

А. А. Ким, Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Томск 1986.

25 января 1988 г. в Специализированном совете Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора филологических наук в Тартуском государственном университете прошла защита кандидатской диссертации А. А. Ким (Томск) на тему «Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка» (научный руководитель — доктор филологических наук Э. Г. Беккер). Официальными оппонентами были доктор филологических наук Т.-Р. Вийтсо (Таллин) и кандидат филологических наук Е. А. Хелимский (Москва).

Исследование А. А. Ким выполнено в рамках комплексной программы описания фонетического и грамматического строя диалектов селькупского языка, осуществляемой томскими самодистами школы А. П. Дульзона. В значительной мере благодаря реализации этой программы достигнута удовлетворительная и в ряде аспектов даже хорошая степень изученности структуры селькупского языка (причем не только северного диалекта, но и чрезвычайно интересных и разнообразных диалектов селькупского юга), существенно возросли возможности адекватного использования селькупских материалов в сопоставительных и диахронических исследованиях по уралоистике, в сравнительно-типологических исследованиях.

Значительным вкладом в реализацию программы стал и цикл работ А. А. Ким по селькупской притяжательности и смежным проблемам грамматики, хорошо известный ее коллегам-самодистам. Полученные результаты обобщены в форме монографического описания категории притяжательности в селькупских диалектах — первого в самодийском языкознании многоаспектного исследования этой важной языковой категории.

Построение работы четкое, продиктовано внутренней логикой рассматриваемого материала. За предисловием (где, в частности, обосновывается принятое в работе выделение четырех крупных селькупских диалектов: селькуп, сюсюкум, чумылькуп, шёшкум) и введением (которое включает изложение теоретического

сredo автора и обзор по типологии категории притяжательности в языках мира, с особым вниманием к уральским языкам) следует первая глава — «Серии лично-притяжательных суффиксов в диалектах селькупского языка». Здесь с использованием большого иллюстративного материала характеризуются четыре парадигматически распределенные серии этих суффиксов (из шести серий, выделение которых на основе соображений диахронии было предложено рецензентом, А. А. Ким, исходя из синхронии, оставляет в стороне две: четвертую, следы которой сохраняются в реликтовых диалектных вариантах посессивной парадигмы местоименной основы \mathcal{S}_i , и пятую для генитива двойственного и множественного числа, отличия которой от серии для генитива единственного числа отражены, и то факультативно, в некоторых записях М. А. Кастрена; см. Е. А. Хелимский, Прасамодийские серии посессивов и их рефлексy. — Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания, Москва 1983, с. 107—112). Принципиально новые наблюдения легли в основу раздела о конструировании инновационных посессивных форм в южноселькупских диалектах. Эти данные должны учитываться при морфологическом анализе селькупских материалов; особенно важны они с точки зрения типологии исторических изменений в системе лично-притяжательных суффиксов и связанных с нею частей морфологии. Более традиционный, в основном вторичный характер носят разделы, посвященные связи лично-притяжательных суффиксов с местоимениями и с личными окончаниями глагола.

Вторая глава — «Употребление и функции лично-притяжательных суффиксов» — строится на отграничении «органической» функции посессивов (обозначения личной притяжательности) от двух других, «неорганических» функций — обозначения лица одного из актантов вне указания на его роль посессора (в сочетании с основами личных и возвратных местоимений, числительных, послелогов, с

именами действия и инфинитивами) и обозначения детерминации (определенности). Среди многих ценных выводов и наблюдений А. А. Ким заслуживает внимания, в частности, обнаруженная ею тенденция к дополнительной дистрибуции первой и третьей из названных функций по отношению соответственно к именам предметов неотторжимой принадлежности (в первую очередь термины родства и свойства, а также анатомическая лексика и названия предметов личного обихода человека) и к именам предметов отторжимой принадлежности (особенно названия природных реалий, животных и растений). Это обстоятельство наряду с некоторыми другими (преимущественное использование конструкции типа «тюркского изафета» при терминах родства и свойства в роли обладаемого, характерное для диалектов чумылькуп, сюсюкум и шёшкум) позволяет говорить о скрытом проявлении оппозиции неотторжимой/отторжимой принадлежности в селькупском языке. Следует подчеркнуть, что, судя по материалам работы и нашим собственным наблюдениям, данная оппозиция носит в селькупском языке не бинарный, а по крайней мере тернарный или вообще многоступенчатый, градуальный характер. А. А. Ким допускает, что полифункциональность лично-притяжательных суффиксов связана с процессом распада их системы в селькупском языке (с. 119); думается, что такое предположение не согласуется с материалом: ведь «неорганическая» функция обозначения лица связана, в частности, с очень архаичными (отчасти реликтовыми) местоименными парадигмами и поэтому никак не может быть инновацией. Скорее полифункциональность посессивов, характерную и для ряда других уральских языков, можно расценивать как архаичную черту, принадлежащую к тому же пласту явлений, что и сходство лично-притяжательных и личных глагольных формантов. Что же касается процесса распада системы селькупских посессивов, то он, как и в случае с другими уральскими языками (например, прибалтийско-финскими), ведет к абсолютному сокращению сферы употребления посессивов, а не к расширению и размыванию границ этой сферы, и вызван не имманентными, а внешними по отношению к языку причинами (в южно-

селькупских диалектах — тесными контактами с престижным русским языком, не знающим лично-притяжательных суффиксов).

В третьей главе — «Притяжательные конструкции в селькупском языке» — описываются синтаксические структуры, передающие в диалектах селькупского языка отношения личной и предметной принадлежности, а также экзистенциальные трансформы этих структур (habeo-конструкции). Это позволяет А. А. Ким объединить анализ форм, снабженных лично-притяжательными суффиксами, с рассмотрением иных грамматических средств выражения притяжательности: генитива, лично-местного падежа, личных и возвратного местоимений в притяжательной функции, инновационных притяжательных местоимений-прилагательных 1-го и 2-го лица в диалектах сюсюкум и шёшкум (*manna-ni* 'мой' < **man nānə-j*, *tanna-ni* 'твой' < **tan nānə-j* и т. д., см. с. 136; описание этих интересных вторичных форм — несомненная заслуга автора). Все же нельзя не заметить, что эти «иные» средства в работе остаются как бы в тени лично-притяжательных суффиксов; в частности, была бы целесообразной, по мнению рецензента, более развернутая характеристика посессивной функции генитива в соотношении с другими релятивными функциями этого падежа. Тщательное разграничение данных разных диалектов, последовательно проводимое по всей работе, полностью оправдано взаимной удаленностью селькупских диалектов и, пожалуй, именно в третьей главе приводит к наиболее существенным дифференцирующим результатам: «Язык тазовских и енисейских селькупов наиболее «скуп» в отношении изафетных построений. В остальных диалектах изафетные конструкции применяются гораздо шире, а у чумылькупов и шёшкумов наблюдается преимущественное использование притяжательных конструкций с посессором, оформленным показателем *-lap*. В таких конструкциях возможность употребления посессивов явно более широка. Эта особенность противопоставляет диалекты селькуп и сюсюкум диалектам чумылькуп и шёшкум. Кроме того, чумылькупский и шёшкумский материал говорит о стремлении использовать конструкции с личными ме-

стоимениями для выражения личной принадлежности вместо л.-прит. суффиксов даже тогда, когда в этом нет необходимости (смысловой или грамматической)» (с. 161). Подчеркнем, что исследование А. А. Ким, наряду с защищенной в 1985 г. докторской диссертацией Э. Г. Беккер (см. рец. П. Алвре в СФУ XXII 1986, 154—157), принципиально меняет традиционную ориентацию селькупской диалектологии на учет главным образом фонетических и лексических особенностей и ставит в центр внимания те особенности языковой структуры, на которых сосредотачивается проект «Языки мира» (см. М. А. Жури́нская, А. И. Новиков, Е. И. Ярославцева, Энциклопедическое описание языков: Теоретические и прикладные аспекты, Москва 1986) и которые должны получить широкое отражение также в рамках проекта «Dialectologia Uralica» (см. программы диалектологического описания, предложенные К. Е. Майтинской, Я. Пустан, В. Фезенкером).

В работе полностью раскрыты и в основном хорошо обоснованы предложенные автором новые решения: новая классификация лично-притяжательных суффиксов на современном этапе, определение сферы употребления и функциональной направленности этих суффиксов, дифференцирование аналитических притяжательных конструкций в селькупских диалектах, принцип выявления оппозиции неотторжимой/отторжимой принадлежности в рамках притяжательных конструкций, трактовка общей тенденции развития притяжательных отношений в диалектах селькупского языка.

Принципиальное согласие с этими положениями и высокая оценка использованной А. А. Ким техники их обоснования не исключают, разумеется, расхождений по некоторым вопросам, отчасти уже оговоренным. В нескольких случаях следует, как представляется, отдать предпочтение иной, нежели в работе, морфологической трактовке цитируемых примеров и, соответственно, несколько модифицировать их концептуальную интерпретацию. Так, на с. 57 (Ив.) *šīrom amdīmd sabīrba* 'коровы-моей рог-ее сломался' перевод неточен, должно быть 'корова-моя рог-ее сломала' (на это указывает аккузатив *amdīmd*). Соответственно примеры на за-

мену посессивной формы генитива 1 л. ед. ч. посессивной формой номинатива остаются только чумылькупские, причем и в них происходит не просто замена одного падежа другим, а трансформация всей посессивной конструкции: имя обладаемого (второе существительное) в обязательном порядке имеет лично-притяжательный суффикс 3 л., тогда как при имени посессора в генитиве этот суффикс факультативен (ср. с. 147, 151—152). На с. 106 формы (УО) *nārmāndə*, (Ив.) *nāgurmānt* предлагаем переводить не 'между ними тремя' (с посессивной формой пролатива, якобы оформленной показателем 3 л. ед. ч. вместо 3 л. мн. ч.), а 'на три части' (сельк. **nāgur mīntə*: сочетание числительного с иллативом местоимения *mī* 'нечто, штука'; ср. таз. *nākir mīkuntī* 'на три части'). Очень сомнителен единственный пример посессивной падежной формы порядкового числительного —

(Кар.) *šīdāmdə-łzījāyandə* 'ему-второму' (?) на с. 106; вероятно, здесь представ-

лено *šīdāmdə-łzījāyandə* (< **łaqantə*) 'второму товарищу'. На с. 108 (Ив.)

βarkimānd и *felimīnd* — формы повествовательного прошедшего времени глагола ('ты жил', 'ты родился'), а не имена действия ('жизни-твоей', 'рождения-твоего'). Трудно принять на с. 117 выделение посессивного показателя в (Кел.) *poyonem-də* (в автореферате на с. 11: *poyon em-də*) 'на улице'; возможно, здесь присутствует неточно записанное словосочетание, ср. (Таз) *pōqīn nīmīti* 'на улице там'. На с. 148 (Баиш.) *ātāt qorol mātṭə* — не 'оленья шкурный чум-свой', а 'из шкуры оленя чум-свой' (синтаксическая связь между существительным *ātāt* в генитиве и существительным *mātṭə* в посессивной форме отсутствует). Представляется, что многие из перечисленных неточностей вызваны не вполне еще изжитой в школе А. П. Дульзона традицией некритического отношения к первичным полевым записям и к переводам, предложенным информантами.

Уместны и в большинстве своем точны этимологические комментарии А. А. Ким по поводу рассматриваемых грамматических форм. Дополнительно можно было бы использовать, в частно-

сти, в связи с реконструкцией исходных форм посессивных аффиксов статью Ю. Янхунена (J. Janhunen, On the Structure of Proto-Uralic. — FUF XLIV, с. 23—42), в связи с ненецкими личными местоимениями (с. 76) — статью П. Хайду (P. Hajdú, Jurák *puda* 'ó', *pudar* 'te' és társai. — MSFOu 185, с. 105—114), в связи со склонением личных местоимений и использованием форманта (-)šĭ- (с. 102, 132) — предложенную рецензентом реконструкцию (Е. А. Хелимский, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели, Москва 1982, с. 88—97). Рядом зарубежных работ можно было бы дополнить содержащийся во введении обзор по категории притяжательности в уральских языках, особенно угорскую его часть. Ошибочно сравнение южноселькупского показателя множественного числа обладаемого *-ni-* с ненецким формантом *-na-* (с. 71): *-ni-* — ни

что иное как фонетический вариант показателя множественного числа обладаемого *-i-* (правильная этимология на с. 74), ср. (Чиж.) *tibñail* 'братья-многетвои' ~ (Тюхт.) *timña-nim* 'братья-многие-мои'. Вставка *-n-* между двумя гласными происходит и в других случаях, ср. (Таз) *qoišqo* ~ *qonišqo* 'сходить', *pašqo* ~ *panišqo* 'спуститься'.

Все эти замечания сделаны постольку, поскольку интересная и обстоятельная работа А. А. Ким располагает к такому же обстоятельному обсуждению затронутых в ней вопросов. Сказанное позволяет квалифицировать исследование А. А. Ким как важный вклад не только в описание, но и в теоретическое осмысление и типологическое толкование категории притяжательности и смежных с нею явлений в селькупском и других самодийских языках.

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)